

УДК 81'42, 81'282.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/13

Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие)*

С.В. Волошина¹, Т.А. Демешкина², М.А. Толстова³

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: vsv1304@yandex.ru

² E-mail: demeta@rambler.ru

³ E-mail: tolstova_11@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается проблематика, связанная с выявлением русско-белорусского взаимодействия в речи языковой личности, относящейся к билингуам. С применением метода лингвистического портретирования анализируются вербально-семантический, тезаурусный (когнитивный) и мотивационный уровни, выявляются причины утраты информантом одного из языков и способы сохранения своей принадлежности к белорусской культуре. Описывается речевая специфика, обусловленная длительным проживанием языковой личности в трансграничном регионе, характеризующемся признаками дискретности и многослойности.

Ключевые слова: речевой портрет, лингвоперсонология, Сибирь, трансграничный регион, культура, самоидентичность, русско-белорусское взаимодействие.

* Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction)*

S.V. Voloshina¹, T.A. Demeshkina², M.A. Tolstova³

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: vsv1304@yandex.ru

² E-mail: demeta@rambler.ru

³ E-mail: tolstova_11@mail.ru

Abstract

The article deals with the problems related to the Russian-Belarusian interaction in the speech of a bilingual linguistic personality. Using the method of linguistic portraiture, the authors analyze the verbal-semantic, thesaurus (cognitive) and motivational levels and identify the reasons for the informant's loss of one of the languages and ways of preserving their belonging to the Belarusian culture. The article describes the specificity of speech that has formed due a linguistic personality's long-term residence in a discrete and multilayered transboundary region.

Keywords: verbal portrait, linguoperonology, Siberia, cross-border region, culture, self-identity, Russian-Belarusian interaction.

Сибирь – территория с особыми климатическими условиями, уникальной историей, это трансграничный регион, сложившийся в результате длительных внешних и внутренних миграций, вынужденных и добровольных переселений, взаимодействия мигрантов между собой и с коренными народами.

Мы рассматриваем трансграничный регион как исторически сложившуюся территорию, которая в течение длительного времени существовала в по-, между- и надграничных состояниях и в настоящее время сохраняет их следы в инфраструктуре, средствах жизнеобеспечения, социально-правовых нормах, менталитете и языке населения; ключевым признаком трансграничного пространства является его «многослойность» [11]. Применительно к Сибири это качество отражается в сложно составленной языковой, культурной палитре региона с отличиями в картинах мира населения, проживающего в

* This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project Nr 0721-2020-0042.

прилегающих к основным транспортным магистралям и удаленных от них районах [11].

С одной стороны, трансграничность региона определяется его географическим положением, историей и полиэтничностью. С другой стороны, история региона и его культурные, климатические особенности, трансграничные характеристики влияют на жителей Сибири, определяя их мировосприятие, специфику речи и жизненный уклад.

Цель данного исследования – создание фрагмента речевого портрета жительницы села Мельниково Шегарского района Томской области Загребиной Марии Аверьяновны, рожденной в Белоруссии и прожившей большую часть жизни в Сибири: описание особенностей речи информанта, выявление степени влияния на неё черт белорусского языка, факторов, повлиявших на формирование идентичности, обусловленных проживанием в трансграничном регионе, а также выявление в речи информанта ценностно маркированных представлений об окружающем мире.

Материалом анализа являются устные рассказы информанта, записанные авторами статьи (С.В. Волошиной и М.А. Толстой) во время диалектологических экспедиций в село Мельниково в период с 2018 по 2020 г.

Выбор села для обследования определяется несколькими факторами:

1. Историей. Это одно из старожильческих сел Томской области [32], которое было основано в 1782 г. [13]. «Документы переписи 1926 года указывают на еще более раннюю дату возникновения деревни Мельниково на реке Мундрове – 1616 г.» [30: 94]. С 1938 г. с. Мельниково – райцентр Шегарского района.

2. Географическим положением и развитой транспортной сетью. Село расположено в 64 км к западу от Томска. «В селе Мельниково сходятся автотрассы федерального значения, ведущие в Новосибирскую область и далее на Алтай, в с. Бакчар, Парабель, г. Кедровый, Колпашево, с. Каргасок, а также в г. Томск с выходом на Транссибирскую ж.-д. магистраль» [31: 915].

3. Наличием представителей разных типов речевой культуры (диалектоносителей, носителей литературного языка, просторечия). Село Мельниково Шегарского района Томской области – традиционное место для диалектологических экспедиций, осуществляемых сотрудниками и студентами филологического факультета Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время. Оно находится наряду со многими другими населёнными пунктами Томской области на территории распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Ранее диалектологи записывали речь

жителей села, являющихся диалектоносителями, но записи последних лет показали, что чистых носителей среднеобского диалекта осталось немного и что село является многослойным в языковом отношении. В настоящее время записывается речь не только диалектоносителей, но и носителей литературного языка, просторечия и информантов, в речи которых наблюдается взаимодействие названных вариантов русского языка. Языковая ситуация, сложившаяся в данном селе, соответствует общей тенденции, наметившейся в сёлах и в малых городах России. Её можно охарактеризовать как переходную от диалекта к литературному языку. Исследователи предлагают выделять региональный вариант литературного языка, при этом отмечая, что «между диалектом и региональным вариантом литературного языка существуют переходные формы с большим или меньшим количеством диалектных черт – смешанные типы речи, в которых представлены, кроме фонетических, и грамматические диалектные признаки» [5: 16]. Кроме того, исследователи отмечают существование людей, которые в равной мере владеют и говором, и литературным языком и используют их в зависимости от ситуации [5: 14].

4. Полиэтничностью. В селе проживают люди разных национальностей и культур: современные мигранты из Китая и Средней Азии, сельские жители и городское население – дачники и т. д., потомки местного населения и ссыльных немцев, эстонцев, латышей, корейцев, белорусов, а также добровольных переселенцев. На протяжении всей истории существования села происходит миграция населения. «В 19 веке территория современного Шегарского района представляла собой противоречивую картину. С одной стороны – несметное природное богатство, население более зажиточное, чем в европейской части, с другой – это был край чиновничьего своеволия, ссылок и каторги. В результате принудительной политики заселения Богородская волость (прежнее название Шегарского района. – С.В., Т.Д., М.Т.) была самым густонаселенным местом среди других районов Томской области. 150 лет назад здесь проживало около 10 000 человек, и треть из них – ссыльные» [30: 3]. Согласно данным переписи 2010 г., в с. Мельниково насчитывалось 8 914 чел.¹

Выбор информанта обусловлен тем, что М.А. Загребина является носителем белорусской и русской культур, добровольным переселенцем в Сибирь, имеющим опыт миграции, проживания в разных регионах страны (СССР), сохраняющим в речи черты белорусского и русского языков, литературного языка, просторечия и диалектной речи.

Шегарский район стал одной из тех сибирских территорий, куда на рубеже XIX–XX вв. белорусы активно переселялись по причине бедности и малоземелья. Как отмечает В.Ю. Корнева, «с конца XIX в. пере-

мещения белорусов с их этнической территории приобрели массовый характер. С 1885 по 1914 г., по неполным данным, только в Сибирь из Витебской, Минской, Могилевской, Виленской и Гродненской губерний переселилось около 550 тыс. белорусов» [21: 233].

Поскольку переселение белорусов в Сибирь имело массовый характер, процессы их заселения на сибирской территории, адаптация, сохранение и утрата идентичности, языка, культуры и т. п. стали объектом исследования разных наук. «В последние двадцать лет история и культура белорусов Сибири активно изучается фольклористикой, этнографией, исторической демографией, историей заселения и освоения Сибири, историческим краеведением, широкое развитие получили биографические исследования. При этом основной интерес современных исследователей сосредоточивается на изучении, прежде всего, культурных традиций белорусского народа» [20: 57]. В фокусе внимания учёных находится комплекс проблем, связанных с функционированием фольклорно-этнографических традиций в пространстве и времени, межкультурных взаимодействий и трансформаций элементов материальной и духовной культуры белорусских крестьян-переселенцев Сибири XIX–XX вв. [2].

В данной работе объектом изучения является речь представителя русской и белорусской культуры, проанализированная в аспекте лингвоперсонологии с применением метода речевого портретирования.

Речевое портретирование – метод, активно используемый в лингвоперсонологии, подразумевающий «описание особенностей речи индивида с опорой на доступные для наблюдения факты, позволяющее составить общее представление об его идиолекте» [17]. Самым распространенным в исследованиях, по мнению Е.В. Иванцовой, является фрагментарный тип речевого портрета, который предполагает характеристику ярких речевых особенностей изучаемой языковой личности [16: 128].

Объектами речевого портретирования являются журналисты [29], политики [8; 12], студенты [23], блогеры [34], персонажи художественных произведений [28; 33] и др.

В последние годы активно создаются речевые портреты жителей деревень, сёл, посёлков городского типа [6; 7; 15; 24; 35] и т. п. Появляются речевые портреты сельских жителей, являющихся носителями двух культур: русской и украинской [3], русской и китайской [9], русской и белорусской [25] и др.

Как отмечает Е.В. Иванцова, фрагментарные речевые портреты диалектоносителей «опираются на разный по объему материал – от двух-трех до 10–15 часов записи устной речи; иногда в качестве источника используются также письменные тексты» [17].

Для создания речевого портрета М.А. Загребинной используются записи только устной речи. С информантом было проведено четыре беседы, общая длительность звучания записей составляет около 6 часов. Первая запись речи М.А. Загребинной была произведена на выставке декоративно-прикладного творчества в Краеведческом музее Шегарского района в селе Мельниково 20 марта 2018 г., следующие три записи сделаны у информанта дома.

Ю.Н. Караулов выделяет три уровня структуры языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный (когнитивный), мотивационный (прагматический) [18], которые мы учитываем в данном исследовании. При создании речевого портрета М.А. Загребинной соединяются элементы нескольких вариантов портретирования: *социолингвистического*, при котором центральное место занимает полярное описание языковой системы информанта, рассматриваются отдельные особенности его речевого поведения, приводятся биографические сведения об информанте, выделяются индивидуальные особенности речи и черты, характерные для той или иной социальной группы; *коммуникативного*, в центр анализа при котором выдвигается речевое поведение информанта – используемые коммуникативные стратегии, набор речевых жанров [16: 124–132].

Таким образом, фрагмент речевого портрета М.А. Загребинной формируется через рассмотрение и анализ следующих составляющих: 1) биография информанта, жанровая квалификация исследуемого материала, выявление набора наиболее распространённых жанров речи в дискурсе языковой личности; 2) вербально-семантический уровень: описание ярких фактов разных уровней языковой системы – фонетических, лексических, морфологических, синтаксических особенностей; 3) тезаурусный (когнитивный) уровень: рассмотрение в структуре языковой личности системы знаний о мире, ценностей, воплощенных в концептах, фреймах, схемах [18]; 4) мотивационный (прагматический) уровень: выявление коммуникативных потребностей, реализующихся в мотивах, целях речевой деятельности информанта, описание коммуникативных стратегий, используемых информантом.

1. Биография информанта, жанровая квалификация исследуемого материала. Мария Аверьяновна Загребина, жительница села Мельниково, родилась в 1937 г. в Белоруссии, в деревне Гойков (в настоящее время не существует) Чериковского района Могилёвской области. После Великой Отечественной войны вместе с семьёй переехала в Казахстан (*В Усть-Каменогорск у нас уехали, в опшшем, как тебе сказать, брат после армии, он в десантной части служил, и его по комсомольской путёвке в Усть-Каменогорск отправили туда, Мишу. А*

он женился же до армии. Жена и дочь жили у моих родителей эти три года, пока он служил. А когда он по комсомольской путёвке в Усть-Каменогорск поехал, получил там квартиру, и он приехал и забрал жену с ребёнком туда. Ну а потом, когда уже папа умер, маму Миша забрал сюда. Мама там, значит, и я туда переехала), затем в Россию – в Удмуртию, потом снова в Казахстан (и вот когда я в декрет пошла, мы поехали в Удмуртию, там первую доченьку и родила. Кончился декрет, вернувшись), а в мае 1962 г. переехала к сестре в Сибирь, в Шегарский район Томской области.

Мария Аверьяновна окончила семь классов, затем училась 6 месяцев в училище, по окончании которого работала на стройке штукатуром-маляром.

Из рассказов Марии Аверьяновны мы узнаем о её тяжёлом детстве, об особенностях жизни в военное время (...партизаны уже здесь построили нам землянку, и в этой землянке были полаты у нас. На эти полатах снопы нажали мы, из травы, с осоки на реке нажали мы. Снопы были вместо подушек. И вот головы в эту сторону и в эту сторону, на эти подушки на мягкие. А ноги в одну сторону и другую сторону. Вот так мы спали. Железная печка стоит, как сейчас помню. Мы с Галей голые, чёрной мазью какой-то намажемся. Ну что? И вши, и часотка. А брат и папа по пояс намажутся. Мы возле печки стоим, чтобы впитывалось. Потом уже, когда всё тихо стало, всё отстроили, везде всё, начали дом строить. <...> Если надо, замарались, это постирать, значить на заднице сидим, ждём, пока это высохнет. Вши мало того, что в голове, и в одежде были вши. Вот снимаем с себя одежонку, на чурочку кладём шов, молоточком колотим, как конопля вши хрустят. Потом пошоркали, опять одели. Такое наше детство было. Начали прясть, на веретёжке пряли. До дырок. На этом пальце уже появится ранка. Этот палец тряпочкой замотаешь, другой. Пока этот заживает, там уже. Вот что мы напряли, то соткали. Что соткали, то сшили. Такое у нас было детство. На полях работали старики, дети. Детства не было. Дом строили. Маме полосу дают жать вот рожь, ячмень, пшеницу, всё это и мне сажень. Мне сажень два метра, и мне к маминной полосе. И я жну), о гибели брата под Оршей в первые месяцы войны, о другом брате-лётчике, самолёт которого был сбит во время войны, о деревне, сожжённой в годы Великой Отечественной войны²: Ну вот война кончилась, мне было 8 лет. Я как сейчас помню. Последний год я никогда не забуду. Я вот военное кино если посмотрю, мне, девчонки, всё вспоминается. У меня тогда в глазах всё стоит. И я не могу уснуть. Я эту ночь тогда не сплю, если я военное кино посмотрю. У нас же в деревне даже сарая не осталось. Всё, всё уничтожили...; Когда наших гнали немцы, когда они отступали,

они горящими снарядами всё уничтожали. Ничего не осталось, даже сарая. И когда уже последние отступали, деревню сожгли. Деревню сожгли всю, вот даже, знаешь, под яблоньками в колхозном саду снопы стояли, кучечки, даже вот этими горящими снарядами уничтожили, даже яблоньки погорели. Вот эти кучки, уничтожали снопы эти даже, горели. Ничего не осталось!

В период проживания в Белоруссии М.А. Загребина владела двумя языками: по словам информанта, в семье и при обучении в школе использовались белорусский и русский языки: *[А когда вы дома с родителями жили, вы на каком языке говорили?] Ну на каком? Ну и русский, и белорусский, получается у нас. Даже вот мы у школе учились, у кого русские учебники, у кого белорусские <...> есть и русские, и белорусские уроки у нас. Вот литература – русский предмет, значит, есть устный и письменный. По два раза в неделю. Два устных, два письменных. Два русских, и два белорусских, и два немецких. Русский, белорусский и немецкий. Три языка мы изучали.* Можно отметить, что М.А. Загребина сформировалась как билингв в раннем детстве и в юности, что квалифицируется исследователями как ранний билингвизм, билингвизм от рождения [14: 43].

У Марии Аверьяновны были дети: две дочери (1961 г. р. и 1965 г. р.) и сын (1967 г. р.), в живых к настоящему времени осталась только одна дочь. Про мужа Мария Аверьяновна рассказывает редко: *Муж пил, так приходилось подолгу не работать, работаем, поживём, пока ничё не пьёт, всё хорошо, больше года он нигде не мог работать. Как запьёт, так его уволят. Уволят, а голова-то умная была, только горло дыравое. Поедет, его на работу сразу берут. Квартиру получит... и мы поехали, а маленькие дети были, я всю жизнь с ним ездила, больше года мы нигде не жили. Я уже у меня первая доченька в школу пошла, я ездить перестала.*

Смена места жительства (переезд из Белоруссии), оторванность от языковой среды способствовали утрате черт белорусского языка и закреплению в качестве активного русского языка. Мария Аверьяновна перестала активно использовать белорусский язык, но она его понимает и может говорить на нём в зависимости от коммуникативной ситуации. В Сибири работала почтальоном, затем телеграфистом, использовала русский язык в устной и письменной форме. Учитывая знание и степень употребительности языков, можно отметить, что информант принадлежит к билингвальному типу языковой личности и в настоящее время демонстрирует проявление нереализуемого билингвизма [14: 41].

С 1992 г. М.А. Загребина на пенсии, ветеран труда. Сейчас воспитывает двух правнуков, помогает внукам.

В жанровом отношении записанный материал характеризуется разнообразием. Речевые фрагменты-монологи представляют собой следующие речевые жанры:

– Воспоминание:

Четыре года мне было, война началась. Помню, как немцы к нам, 4 года не помню, а последний год как сейчас помню. Уже 8 лет было. И я как сейчас помню. Немцы приезжают в нашу деревню, на мотоцикле или на машинах, на мотоциклах даже ездили. Против дома останавливается машина, бегут немцы в дом: «Матка, млыко, яйко», млыко, млыко, яйко, спрашивают молока и ячечек, русь солдат – русский солдат есть или нет, и подполом проверють, и в бане проверють, везде усё проверяли, чтоб партизаны не быть. Партизаны в лесу находилися. Придут, наши родители накормят, переоденут, помогут.

– Автобиографический рассказ:

В Сибирь я приехала... Ну в 25 лет я стала мама. А в 45 я стала бабушкой. Вот значит в 25 я приехала сюда в Сибирь. В декабре я родила дочь. А в мае на следующий год мы сюда переехали.

– Бытовой рассказ:

У меня здесь внук порядок наводил. Ванну переделал. Видите, как переделал. Стоял здесь чёрный, страшный. Шкаф убрал, бойлер повесил. Сразу стало и шире, и светлее. Так хорошо прямо. Унитаз заменил, раковину заменил. Всё здесь заменил. И под ванной закрыл, чтобы грехи не было видать. У меня такой внучок.

(А воды горячей у вас нет, получается?) Кода отопление есть, мы с батарее берём. А всё равно, хоть бери, не бери, а вышшытывали отопление, и горячая вода с мойкой, и утилизация, всё вышшытывают. Брал, не брал, а всё равно вышшытывали. И у меня внучка прописана, вышшытывают за двоих. Мойка и утилизация. За мусор за двоих, утилизация, горячая водой с мойкой и канализация, всё я плачу за двоих, раз она прописана.

– Рассказ о случае:

Один раз понесла я масло это сдавать... несу, а это было весной и снег таял, в дороге лужа стоит, воды – надо обходить, а обходить надо – лес рядом. И вот я стою и думаю, как в лес идти сворачивать, по грязи же не пойдёшь босиком. Выскакиват.... Вот я стою на этой стороне, а волки на той стороне этой лужи играют. У меня волосы дыбом. Стояла я, напугалася. А потом палочку взяла и по чашке давай стучать. Волки убежали. Они же в лес убежали. Как я буду обходить?! Мне пришлось чуть не по колёно по грязи шагать по полю. В лес я не могла пойти, раз я волков видела. Что только я не видела – ужас!

Выделяются в речи Марии Аверьяновны фрагменты, повторяющиеся в большинстве записей, которые, как представляется, можно

квалифицировать как рассказы-пластинки. Это повествования «о каком-либо событии, всякий раз воспроизводимые в более-менее устойчивом виде» [4: 26]. «Форма таких рассказов выверена и многократно отточена, хотя и допускает некоторое варьирование в зависимости от адресата или субъективных факторов» [19: 44–45]. Для таких рассказов, по мнению исследователей, характерна установка на юмор, шутку, языковую игру [4; 19]. Вместе с тем М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова отмечают, что, «видимо, можно говорить и о других жанровых разновидностях многократно репродуцируемых текстов, для которых характерна иная, более «серьёзная» коммуникативная установка рассказчика. Это обычно рассказы о драматических эпизодах семейной истории (болезнь, пожар и т. п.), рассказы притчевоего характера и др. Их собирание и жанровая интерпретация – задача будущего» [19: 45]. В речи М.А. Загребиной встречаются рассказы-пластинки о глобальных исторических событиях: об уничтожении деревни в годы Великой Отечественной войны, о братьях, которые погибли в военное время, о помощи партизанам: *Даже помню один раз машина остановилась возле нашего дома, а партизан был у комнате. Мама только переодела, посадила исть, и машина останавливается, меня ему, этому партизану, на руки даёт мама: «Говори, называй папа!». На пороге берёт, мы выходим на улицу, на скамеечке сидим, я его обнимаю: «Папа, папа», раз просьба такая. А они побегали, русь солдат поискали, и в подполе, и везде заглянули, нигде нету, они уехали, слава богу, партизану; а также о том, как в детстве она училась вышивать, как подарила экспонаты краеведческому музею Шегарского района: *У меня вот этот внучок, который всё делает, во второй или третий класс ходил. И возле колхоза здесь деревянный был музей, небольшой. Их со школы водили в музей. Вот он приходит ко мне, а я ешио жила на Пионерской. Приходит: «Баба, у тебя столько вышитых наволок, а в музее подушка без наволки, подари ты им». Ну вот я тогда унесла на подушку наволку, две дорожки вышитых, одну на койку постелили, одну на стенку, полотенце – икона висела голая, без полотенца. И вот я на это, на божничку салфеточку постелила, полотенце повесила, две дорожки и наволку унесла.**

2. Вербально-семантический уровень. Анализ аудиозаписей показал, что в речи М.А. Загребиной проявляются особенности на фонетическом, словообразовательном, лексическом и грамматическом уровнях.

Так, к **фонетическим** особенностям, обусловленным в т. ч. влиянием белорусского языка, относятся следующие:

– аканье: *Так надо на п[а]лях работать. Вот мы были ешио после в[а]йны, к[а]да были п[а]дростками, маленькие ешио;*

– твёрдый звук [ч], что обусловлено влиянием белорусского языка: *У меня же две вну[ч]ки. Одной вот нон[ч]е будет тридцать пять, а второй тридцать девять;*

– непоследовательно, редко проявляется твердый звук [р], что также является чертой белорусского языка, в котором нет звука [р']: *Уволят, а голова-то умная была, только горло ды[пра]вое.* Редко встречающийся твердый [р] на месте [р'] объясняется тем, что для северо-восточных белорусских говоров, которые являются родными для информанта, характерно различие твердости-мягкости [р] и [р'] как двух разных фонем в противопоставление неразличению их и наличию одной фонемы [р] на всей основной белорусской языковой территории [22: 189];

– непоследовательное использование *ў* (у неслогового) и параллельное употребление *в* в аналогичных позициях: *Ваня тоже у нас ў Москве, в Подмосковьє жил, работал лётчиком и вот его на войну забрали Ваню; И вот они поехали ў Венгрию и уже в мирное время, уже после войны, и их там в столовой отравили; Ну и вот эта лошадь, шшастье моё было, что рядом было болото. Я в кусты побежала. И то – с пяток кроў, с головы кроў. Тяжело было;*

– непоследовательно проявляется фрикативное произношение «г» – [γ] наряду с «г» взрывным: *Могилевская область, Чириковский район и деревня [γ]ойков;*

– долгие твердые шипящие, что может быть вызвано воздействием старожильческих говоров Среднего Приобья [26: 20]: *У меня шшас вся радость – правнуки; Тот настояшший рисунок несёт, этот – помазок; Вот была женишшина и мушшина и пять девочек; Помню, на первом этаже, маленькие внуки когда у неё были, а я иду, старший кричит, ташшу или яблоко, или чё-нибудь; А когда я рашшитываться буду?; А себе, вот так большие эти брёвны тоже по размеру, задок и передок с телеги соединяли, всей семьёй впрягаемся и ташим;*

– в некоторых случаях проявляется стяжение гласных: *А Серёжа как раз частну квартиру снимал; кирпичну кладку до окошка уже склали;*

– редко используется конечный [с'] на месте [с'т']: *И вот мы учились, шшесь месяцев по-моему учились, потом практика у нас была;*

– отличное от литературной нормы ударение в некоторых словах: *...вот как от нашего дома до больницы вот такое расстояние до кладбища, ну больше километра; А потом, когда в Усть-Каменогорск переехал, Миша по комсомольской путёвке, забрал туда семью; Костёр мама разлбжила в огороде, чугунок картошки закипает, песенки запели, обрадовались; Сколько было полотенцев, я пораздала людям; Она мне зубами голову пробила и копытáми, ноги-то были связаны*

у неё, она **копытáми** мне пятки отбила; По **снегу́**, по **снегу́** босиком ходили в школу.

Таким образом, на фонетическом уровне в речи отчётливо проявляются черты влияния белорусского языка.

На **словообразовательном уровне** яркой чертой является использование информантом суффиксов субъективной оценки, передающих семантику ласкательности, уменьшительности, позитивную оценку окружающей действительности: *Самолёт летит, я подскочила, **окопчик** был у нас такой, там яма и по **ступенечкам** туда; У них было двое **ребятишечек**; Это вот просто такой у меня **узорчик**; Вот **василёчки**; У меня весной уже свои **курочки** пошли, и уже **курочка** сядет, и **цыплятки** с ей выведутся; Вот, как сейчас помню, мы с ней взяли белой ткани и, ну как, **ниточку, петелькой** сделали и **карандашик**, и кругом вот так вот круглую ткань сделали с Верой; Раньше мне всё сын делал. А теперь мне **Серёженька – внучок**. С ноября ему 34-й год идёт. Такой у меня мальчик! **Серёженька!** Вот он моё **солнышко** (показывает фотографию). 34 годика.*

Насыщенность речи деминутивами характеризует Марию Аверьяновну как человека эмоционального, позитивно воспринимающего и оценивающего разные стороны своего существования (предметы быта, растения, животные, дети). Мария Аверьяновна – человек высокой внутренней культуры, при прощании она всегда использует этикетную формулу: *Будьте здоровеньки!*

На **лексическом уровне** отмечается использование:

– разговорных, просторечных слов: *Ну и **видать**, **ихний** руководитель ешшо с ними; Помню как сейчас, пришла я к Витальке знакомиться, а... мне и говорит: «Ой, тебя, Маша, такой мальчишка **шебутной**, вам тяжело достанется, он минуты не сидит»; И, представьте, как **штукатурить!**? Камни-то в себя не впитывают. **Помаленечку** надо кидать; Война кончилась, я ешшо **соплячка** была – десять лет;*

– диалектных слов, относящихся к русским старожильческим говорам Среднего Приобья: *вечёрка, горбушка, исть, наволка, накидушка, найти (=родить), саженка и др.: Вышивки – это праздничная одежда. (А на какие праздники надевали?) Хоть на танцы, хоть на **вечёрку**; Вот, она вот здесь внизу сидит в очках, а сверху её сын и дочь. У меня над головой это старший правнук, а маленький вон у папы на **горбушке** сидит; Мама только передела, посадила **исть**, и машина останавливается...; И вот она фактически эта **накидушка** «Анютини глазки», все четыре угла и середина вышита, а они застелили на телевизор, получается как будто бы четыре уголка; И вот я на это, на божничку салфеточку постелила, полотенце повесила, две дорожки и **наволку***

унесла; А в мае в 62-м я в Сибирь приехала. А уже двоих потом здесь **нашла**: сына и дочь; Даже помню, у нас **саженка** была возле леса, так в **саженке** отмачивали, а потом сушили, а потом уже только делали эти нитки. И вот в **саженках** у нас помню рыбки водились, раки были. [А саженьки – это что такое?] Это яма выкопанная и в ней вода какая-то такая. Там и рыбы жили, недалеко от речки;

– образных единиц: Уволют, а голова-то умная была, только **горло дыравое**; Если я не буду делать, тогда **что попало** будет в голове летать;

– топонима *Белоруссия*, который возникает достаточно часто в речи М.А. Загребинной, что свидетельствует об осознании постоянной связи со своей исконной Родиной. Топоним возникает в текстах определенной тематики и речевого жанра. В первую очередь, это рассказы о прошлом: воспоминания о детстве (школа), рассказы о родственниках, которые похоронены в Белоруссии, это сохранившаяся национальная тематика вышивки, рефлексия по поводу фактов белорусского языка, функционирования его отдельных элементов при осознании своей национальной идентичности (*я белоруска*).

Таким образом, речь информанта содержит лексику разной системной принадлежности (литературной, просторечной, диалектной). Лексика белорусского языка не входит в активный словарный запас информанта и не находит отражения в естественной коммуникации. Вместе с тем знание лексики белорусского языка проявляется в определенных коммуникативных ситуациях, порождающих метаязыковые высказывания различного типа (*бурак, бульба* и др.). Более подробно см. в разделе Тезаурусный (когнитивный) уровень.

Морфологический уровень характеризуется такими чертами, как:

– использование у глаголов II спряжения в форме 3 л. мн. ч. окончаний -ут/-ют: *И вот они на юбилей мне **приходят***; *Если что-то **попросют**, обязательно*; *Папа с мамой в лесу по размеру брёвнышки все **пилют***, в чём, на наш взгляд, проявляется влияние родного для М.А. Загребинной северо-восточного диалекта белорусского языка, для которого характерно безударное окончание 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения -уць: *хóдзюць, вóзюць, нóсюць* [22: 185];

– последовательное употребление глагольных форм с постфиксом -ся, что также можно квалифицировать как влияние белорусского языка, в котором возвратные глаголы образуются при помощи постфикса -ся; постфикс -сь, по данным грамматики белорусского языка (1985 г.), в современном языке не является литературной нормой и употребляется только в стихотворной речи для создания рифмы [1: 156]: *Не пугайтесь!*; *Она в декабре родилась в 61-м; «Баба, ты же устала, ложись»*; *Осталась одна вот эта вот*;

– проявление в речи личного местоимения 3 л. мн. ч. *оне* (=они), что, как представляется, обусловлено влиянием сибирских говоров [26: 166]: *Работают оне все здесь, в центре, на бывшем маслозаводе.*

Отмеченные черты проявляются в речи М.А. Загребинной последовательно во всех коммуникативных ситуациях.

На синтаксическом уровне речь М.А. Загребинной характеризует­ся отсутствием заполнителей пауз, последовательным изложением, логичностью, отсутствием отступлений.

Наиболее яркими синтаксическими особенностями являются следующие:

– наличие большого количества сложных предложений с разными видами связи: *Даже помню, у нас саженка была возле леса, так в саженке отмачивали, а потом сушили, а потом уже только делали эти нитки; И вот Нина, кода после Германии вернулась, она меня к золовке домработницей взяла в город, а так с колхоза же не отпускали;*

– разнообразие сложноподчиненных предложений с разными типами придаточных: *Кода забирали все вешши, эта начальник, или директор, кто она там, подошла, попросила с анютиными глазками; Маленько, ну как сказать, недели две всего я у брата пожила, в той комнате, где у мамы койка была;*

– на текстовом уровне наблюдается параллелизм повествования: *Что нарядём, то и соткём. Что соткали, то и на себя одели; У кого русский учебник, он на русском языке отвечает. У кого белорусский – на белорусском; Ну в 25 лет я стала мама. А в 45 я стала бабушкой. Вот значит в 25 я приехала сюда в Сибирь. В декабре я родила дочь. А в мае на следующий год мы сюда переехали;*

– наличие полных, распространённых предложений: *Мы – мальчишки, девчонки за поводок лошадь ведём по борозде, а сзади бабушка какой-то старенький за плугом идёт; Даже уже кода' в школу мы ходили, идём ў школу, с собой корзинку несём.*

Отмеченные черты свидетельствуют о высоком уровне владения информантом письменной формой русского литературного языка и о переносе этой формы в устную речь.

3. Тезаурусный (когнитивный) уровень. Особенности этого уровня обнаруживаются в тематической, содержательной стороне исследуемого материала. Имеющийся в распоряжении авторов статьи материал ограничен тематикой бесед, заданной диалектологами, что затрудняет анализ когнитивного уровня и выявление полного тематического спектра бесед. Вместе с тем, наряду с проведением тематических, сфокусированных интервью с информантом были проведены нефокусированные интервью, диалоги по различной тематике, что позволило выявить тематические доминанты в речи языковой личности: значи-

тельное место в речи Марии Аверьяновны отводится воспоминаниям о войне, семье, о родных местах, а также рассказам о работе и об увлечении рукоделием, прежде всего вышивкой: *Детства не было. Дом строили. Маме полоску дают жать вот рожь, ячмень, пшеницу, всё это и мне сажень. Мне сажень два метра, и мне к маминой полосе. И я жну. А огороды садили колхозные, даже раньше кормовая свекла была. Сахарную свеклу садили. От неё же, из этой сахарной свеклы, и сахар делали.... Редьку, всякую... на полях садили. И идём – мама с тяпкой и мы с тяпкой. И вот эту траву, что мы полем, мы всю в мешках носили домой, в огороде сушили траву к зиме, чтоб коровку прокормить. На полях там, где в лесу найдём поляночка там где-то, так за лето два-три раза косили, чтобы её принести домой. А на реке... серпами жали, а потом мешками носили домой сушить...; Прясь, вышивать я стала с малого детства, потому что у нас была война, у нас ничего не осталось. В чём мы были, в том и остались. Учились прясь. Что нарядём, то и соткём. Что соткали, то и на себя одели. Ну а потом я стала прятаться в огороде... Которы мама нитки нарядёт, этих ниток... где-то кусочек тряпочки найду и в огороде спрячусь, учусь вышивать. Не получается – я это, распушшу, опять... И вот так вот и стала вышивать. Сначала пряла, одевались, а вот потом и вышивать стала.*

Часто в повествовании появляются термины родства. У М.А. Загребинной хорошая память, она помнит все даты рождения и смерти родственников, возраст всех членов семьи и друзей, поэтому в речи высокочастотными являются числительные и слова, называющие отрезки времени: *И вот этой дочи, от сына сын, и от той дочери дочь. В Томске они живут. Маму и сына (уточняет) папу схоронила я их. Дочери было 43, было. Сыночке было 45. Щас бы уже Оле было бы 57 нынче. Её доченьке 37 лет. В Томске живёт. Вон маааленькая у меня была Алёнушка, теперь ей уже 37. А от сына сын. В 45 лет сына схоронила. Щас бы уже 52 было бы;*

В Белоруссию я ездила, уже мне 41 год был, на могилке побыли. Сестра у меня там в Белоруссии, на 13 лет меня старше которая, жила. А теперь у меня никого нету. Тогда я, в Белоруссии сестра, которая на 13 лет старше;

Вот, мне это сейчас 81, Вере было бы сейчас уже, ещё 5, 95 бы уже было ей сейчас. В 75 она умерла. Потом так, 20 апреля Веру схоронили в Белоруссии, и в Нелюбино сестра младшая, на 2 года меня моложе, третьего мая умерла. В течение двух недель и старшая, и младшая;

В декабре я родила дочь. А в мае на следующий год мы сюда переехали; И 27-го мы ездили, 27 сентября, а у меня как раз 27-го подруга была именинница. Утром в полвосьмого мы к райкому пошли. Не могу же я её в 7 часов поднимать поздравлять.

Подобные воспоминания и точная датировка событий, на наш взгляд, подчеркивают значимость предмета речи для информанта, а также позволяют и самому информанту структурировать свою жизнь, автобиографические воспоминания. Неслучайным представляется постоянное воспроизведение и почти дословное предъявление исследователям этой информации в разных аудиозаписях: это инструмент самоосознания, самоидентичности, закрепления себя в мире.

Мария Аверьяновна Загребина занимается вышивкой, сохраняя в том числе технику и узоры, которые освоила в детстве. Она училась вышивать с ранних лет. Сначала это было в большей степени не увлечением, а необходимостью в связи с отсутствием многих элементарных вещей, предметов: *Прясть, вышивать я стала с малого детства, потому что у нас была война, у нас ничего не осталось. В чем мы были, в том и остались. Вот учились прясть. Что нарядем, соткём. Что наткали, то и на себя надели.*

Вышивка была необходима и потому, что она применялась для украшения полотенец, одежды, скатертей, наволочек и т. п., выступавших обязательной частью повседневного быта: *На иконы обязательно надо было, полотенца вышивали... Это вот было, я не знаю, как закон. Я вот помню в моей молодости, в Белоруссии я жила, зайти в дом, если не было иконы, даже между окошками, как вот свои дома, между окошками висит рамка с фотографиями, и на этой рамке обязательно полотенце висит. Обязательно на рамках полотенца были. И вот эти вышивки кругом были всё, и на стол, и вот на комод даже было, и везде-везде. И на телевизор даже были вышивки. А сейчас, видите, и некуда вешать. Раньше ведь телевизоров не было. Снаряжали всё. А сейчас?! Это вот на телевизор, теперь мы не пользуемся, не вешаем. Вот василёчки;*

Это украшение в доме – вышивки. Но только, как тебе сказать, спать мы не спали на вышитых навалках. Внизу была наволка обыкновенная. На ночь вышитую снимаешь и спишь на простой.

Несмотря на миграцию (переезды в Казахстан, Удмуртию, Сибирь), М.А. Загребина сохраняла традицию вышивания везде, где она жила. Она выступает хранителем традиционной и повседневной культуры и её транслятором: *Даже у меня были задергушки на окошке вышитые. Внучкам в городе на окошко вешала; В музее мою тот раз накидушечку оставили, там так она и осталась теперь. Когда забирали все вешки, эта начальник, или директор, кто она там, подошла, попросила с анютиными глазками. Вот, в газетке. Вот;* Мария Аверьяновна обучала детей из многодетной семьи вышивке: *Я учила, там у одной женщины было шестеро приёмных детей: три мальчика и три девочки. Я ходила к ним, вела кружок. В виде кружка. Она бывшая учи-*

тельница, на 10 лет меня моложе. Мне вот 81, а ей 71. И вот я к ней хожу. <...>. Вобишем 7–8 детей постоянно было у меня на занятии. Учила их вязать, вышивать и вот эти кружки учила. В сентябре 2018 г. М.А. Загребина в составе коллектива «Дружба» ездила в соседние деревни для обмена опытом.

Информант хранит вышитые предметы как семейную реликвию: *А это берегу – мамина память. Мама пряла нитки, мама ткала вот это полотно, мама вышивала, и мама кружево вязала.*

Впоследствии Мария Аверьяновна, несмотря на то, что жила уже не в Белоруссии, старалась в своих работах сохранять всё, что связано с родными местами: *Это белорусский танец крыжачок танцуют в березовой роще парень с девушкой. Вот, видишь, чё, и фартук у неё вышитый, у него рубашка, вот всё это вышито; В Белоруссии у нас была мода тогда. Вот это всё вышитое. И кофта у неё, и фартук вышитый, мужики – рубашки вышитые, вот видите, на рукавах, внизу, на груди – это всё вышитое. Вышивки носили и мужики, и женщины(ы)-ны постоянно. Постоянно. У нас как белорусская, наверное, белорусская мода, выходит. Все как только праздник какой, все только в вышивках.* Тематика работ, техника, которой М.А. Загребина научилась в детстве, свидетельствуют о сохранении самобытности, идентичности, вышивка позволяла ей адаптироваться к новым условиям, сохранять в себе всё, что близко ей, является родным, напоминающим родину: *Я отвлекалась вышивкой и забывала, что даже не ела. И так вот всю жизнь с вышивкой и пробыла.* С одной стороны, вышивка – это средство конструирования идентичности, с другой – хобби и средство своего рода терапии: *Просто вышивкой, как сказать, я, можно сказать, что лечилась. Такая жизнь была, что если ничего не делать, мы с ума сойдём от безделья. А я когда что-то делаю, у нас же все нервы в пальчиках. Мы же сами себя успокаиваем. И пользу сделаем, и себя лечим.*

Вышивка является средством визуализации белорусской национальной культуры, она отражает элементы традиционной моды (*В Белоруссии у нас была мода всегда*), танцевальные традиции (*крыжачок*).

Вышивка для Марии Аверьяновны (в определенные периоды её жизни) представляла материальную ценность, являлась одним из средств к существованию: *Даже в Белоруссии, я как сейчас помню, с одной женщиной, она не умела вышивать, немка она была. Она вышивать не умела. А мы как раз переехали на другое место. А всегда, знаете, когда на новое место переезжаешь, чего-то нету. И вот мы вдвоём ходили к ней. И она не любила запах свежего мяса, а гусей, уток, кур держала. А осенью надо всех колоть, она свежего запаху не могла. И вот я всё ходила ей куриц этих чишшу. Вышивала я ей всё, а она мне тогда за зиму надавала. Я пока я ей вышивала да курочек этих обраба-*

тывала, она мне надавала гусей десяточек, курочек. У меня весной уже свои курочки пошли, и уже курочка сядет, и цыплятки с ей выведутся.

Вместе с тем в речи М.А. Загребинной отмечаются трансформации декоративно-прикладного искусства в связи с социально-экономическими факторами.

С появлением в магазинах одежды и домашней утвари исчезла необходимость шить, вышивать, изменилась цена на материалы: *Даже помню, придём с работы с девчонками, в общежитии жили, я сажусь вышиваю, а они поели – и на кровать. Потом: «Маша, да ты ещё не ела, на работу же надо идти»; На то время это было дорого. А сейчас ничего не стоит. А сейчас, можно сказать, толком никто и не вышивает.*

В связи с определенными событиями, социальными тенденциями расширяется тематика вышивки. В вышивке отражаются мотивы, традиции, культура самых разных народов мира: это и Испания (*Кармен*), и Индия (*индийка с кувшином*), Китай (техника вышивания). Вышивка – это способ освоения информантом другой культуры, вхождения его в разные мировые культуры: (показывает на вышитую картину) *А вот это Кармен. Раньше пудра, одеколоны, мыло, всё было «Кармен», вот такие вот были рисунки. А вот та индийка наверху с кувшином сидит. Раньше же канвы не было, нитки выдёргивали, крестики чтобы вышивать, а как будешь вышивать?; А там индийка. Ну как, берёшь, покупаешь на бумажке рисунок, и там написано «Индийка на берегу с кувшином сидит». Пошла за водой, видишь, и сидит, ждёт. Чего она ждёт?*

Благодаря распространению разных материалов, миграцией и знакомству с другими техниками Мария Аверьяновна освоила технику вышивки китайской гладью: *Вот китайской гладью. Так же вот как подушечка. Ну здесь сначала я чёрными нитками всё это вышшываю, делаю кубики, а потом уже заполняю.*

Интерьер современных домов и квартир не подразумевает постоянного наличия скатертей на столах, вышитых наволочек на подушках и покрывал на кровати, накомодников и т.д.: *Раньше же все застилали, а сейчас что?! Столы стоят, скатертью застилать не надо. У меня вот одна скатерть вышитая, а вторая выбитая.*

Возрастные особенности оказывают влияние на творчество. М.А. Загребина с сожалением говорит о невозможности сейчас вышивать продолжительное время: *Сейчас-то мне не видать, а раньше раздолье было; А я сейчас раз вышивать не могу, не могу уже, не вижу, так я стараюсь, кружки вяжу.*

Вместе с традиционным декоративно-прикладным искусством и техниками жители с. Мельниково, участники клуба «Дружба» осваива-

ют и новые посредством интернета. Там они знакомятся со схемами, учатся делать игрушки. Осваивают скрапбукинг и новый вид вышивки – алмазную вышивку.

Представители старшего поколения сетуют на забвение молодежью традиций. Хотя М.А. Загребина отмечает, что когда она переехала в Сибирь, то никто из её новых друзей не умел вышивать: *Да в основном из моих друзей никто вышивать не умеет, всем вышивала я. Как только они как увидели, и тут мне вышей, и тут мне вышей.*

Привезённое декоративно-прикладное искусство как сохраняет свои черты, так и переживает трансформации, связанные с социальными, экономическими, демографическими причинами. Оно выполняет утилитарную, эстетическую, психотерапевтическую функции в жизни информанта, является средством визуализации элементов родной (белорусской) культуры.

Таким образом, ценностно обусловленными для Марии Аверьяновны выступают понятия родных мест, семьи, анализ материала показывает особую выделенность воспоминаний о войне и рассказов о вышивке.

4. Мотивационный (прагматический) уровень – наиболее сложный для описания, поскольку он требует определения коммуникативных потребностей информанта, коммуникативных стратегий.

С Марией Аверьяновной авторы статьи познакомились на выставке в Краеведческом музее Шегарского района, где она представляла результаты вышивания. Речь информанта – инструмент конструирования самоидентичности. То, что выбрала Мария Аверьяновна для повествования, показывает, что для неё было важно поделиться именно этой информацией, и отражает её восприятие исследователей.

Рассказывая о своей жизни в прошлом и настоящем, уделяя много внимания событиям из жизни семьи, Мария Аверьяновна через эти жизненные этапы и социальные роли идентифицирует себя с точки зрения возраста: *мама, бабушка, прабабушка: Ну в 25 лет я стала мама. А в 45 я стала бабушкой; В нашем доме есть только одна старше меня. Вот Киселёва Мария Васильевна. Она самая старшая. А за ней уже иду я. Вот нас с ней по десять лет, в мае будет нам по одиннадцать лет. И обе майские. Ешшо вот соседка была жива, на тринадцать лет меня моложе. Пять лет уже как умерла. Так мы все были. Я 19 мая, Мария Васильевна 20, а эта была 21. Мы всё смеялись – как загудим.*

В самоидентификации по национальному признаку информант демонстрирует двойственное осознание своей этнической принадлежности. При знакомстве М.А. Загребина многое рассказала о войне, о своей семье. Первым стало высказывание, отражающее её

национальную самоидентификацию: *Я же белоруска.*

В то же время при дальнейших встречах Мария Аверьяновна определяла себя как сибирячку: *54 года я уже в Сибири живу. Я уже сибирячка настоящая стала. В Белоруссию, если бы кто-то был, я бы съездила, но там никого нету. К кому ехать. Приедешь, может быть там и никого нету, кого я хоть маленько во сне видела. Шшас же там никого нету. [А по-белорусски вы не говорите сейчас ни с кем?] А с кем будешь говорить? Да я уже и не умею [А когда вы сюда переехали, вам здесь понравилось?] Так теперь и умирать буду. Больше никуда.*

Прожив основную часть жизни в Сибири, М.А. Загребина осознаёт себя причастной к местному населению. Показательно, что, как и многие жители Сибири, Мария Аверьяновна идентифицирует себя не как *русская*, в противопоставлении к *белоруска*, а именно как *сибирячка* [10]. Этот факт согласуется с наблюдением о том, что, «идентифицируя себя с метаэтнической общностью, конкретизировавшейся в сознании до определенного культурного поля, откуда вышел каждый мигрант, он, с той или иной долей уверенности, начинает ассоциировать себя и с неким региональным сообществом» [27: 198].

Несмотря на то, что большую часть жизни М.А. Загребина прожила в Сибири, она помнит белорусский язык, в детстве в её семье использовались два языка: русский и белорусский. Среди причин, повлиявших на утрату родного языка, можно отметить отсутствие языковой среды, отсутствие белорусского языка в личностной и институциональной коммуникации: *А с кем будешь говорить? Да я уже и не умею. [Не помните уже язык просто?] Как вам сказать?! В обшшем, белорусский язык самый лёгкий. Даже вот мы у школе учились, у кого русские учебники, у кого белорусские. Вот, например, по истории, географии или литературе...; А математика, например, или там, это, история, у кого русский учебник, тот по-русски отвечает, у кого – белорусский, тот на белорусском отвечает.*

Характерным для информанта является высокая степень рефлексивности по поводу фактов славянских языков. В зону восприятия и осмысления попадает сопоставительный анализ восточнославянских языков, степень их сходства и различия на уровне лексики, что отражается в метаязыковых высказываниях: *А разница небольшая. Только, видите, как получается: русский и белорусский подходят к украинскому, или наоборот, мы белорусский подходит и к тому, и к тому. Вот у русских говоришь «карова» и пишешь «корова», пишешь – «корова», говоришь «карова», а белорусский как говоришь «карова», так и пишешь «карова». А украинский пишут «корова» и говорят «корова», а белорусский самый простой, он самый лёгкий. Как говоришь, так и пишешь; Вот здесь есть ешио такое предложение: «Рабая*

корова з'ела ўсе храпкі». Ну всё равно ведь поймёшь, что рябая корова все кочерыжки съела. Всё равно ведь понятно. Ну вот свекла – ой, как, бураки. Капуста – так и есть капуста. Лук – цибуля. А чеснок – есть так чеснок. Разницы немного. [А картошка – бульба?] Бульба. Так немножко есть кое-что, но всё равно оно как-то понятно.

В приведённых высказываниях рефлексии на уровне обыденного сознания подвергаются русский, украинский и белорусский языки. Информант сравнивает родственные языки по соотношению в них правил произношения и написания и демонстрирует это на примере слова «корова», делая вывод о том, что наиболее оптимальным (*простым, легким*) является фонетический способ письма, существующий в белорусском языке. Принцип понятности, родственности языков проявляется, по мнению М.А. Загребинной, и на уровне отдельных высказываний, в которых различия в лексике и фонетике компенсируются контекстом (*Рябая корова з'ела ўсе храпкі*). Для аргументации положения о степени близости рассматриваемых языков информант обращается к тематической группе «Названия овощей», отмечая общность и различие её лексического состава во всех трех языках.

Несмотря на миграции, постоянные переезды, Мария Аверьяновна помнит родной язык, сохраняет знания о традиционных белорусских узорах, используемых при вышивании; вместе с тем, к сожалению, ей не удалось научить родному языку детей и внуков и передать им национальные традиции.

Заключение

Анализ речевых особенностей М.А. Загребинной показал, что она билингв от рождения: владеет русским и белорусским языками, но белорусский язык в настоящее время не находится в активном употреблении, что является проявлением нереализуемого билингвизма. Описание вербально-семантического уровня языковой личности свидетельствует о том, что в её речи встречается лексика разной системной принадлежности (литературная, просторечная, диалектная). Лексика белорусского языка употребляется в определенных ситуациях общения. Наиболее отчётливо влияние белорусского языка проявляется на уровне фонетики. Длительность проживания в Сибири обусловила появление в речи Марии Аверьяновны черт, характерных для русских старожильских говоров Среднего Приобья. Анализ когнитивного уровня выявил тематические доминанты в речи информанта: война, семья, родные места, рукоделие (вышивка). Исследование мотивационного уровня языковой личности показало, что информант осознает свою принадлежность к белорусской и сибирской культуре,

сохранение белорусских корней обнаруживается в сфере декоративно-прикладного искусства через занятия рукоделием, вышивкой, которая служит способом визуализации национальной культуры. Таким образом, индивидуальные особенности речи информанта определяются местом и временем его рождения, жизни, интересами, местами проживания.

Авторы выражают благодарность и глубокую признательность доктору филологических наук, профессору кафедры белорусского языкознания Белорусского государственного университета Ирине Олеговне Гапоненко за советы и ценные замечания при работе над данной статьей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Информация взята на сайте Шегарского района. URL: <http://www.shegadm.ru/melnikovo.html> (дата обращения: 10.11.2020).

2. По данным проекта «Белорусские деревни, сожжённые в годы Великой Отечественной войны», деревня Гойков была разрушена в сентябре 1943 г., до войны в деревне было 22 дома, разрушены все. URL: http://db.narb.by/search/?title=%C3%EE%E9%EA%EE%E2&title_s=old®ion=&district=&year= (дата обращения: 15.07.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская граматыка: у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; [рэд. М.В. Бірыла, П.П. Шуба]. Мінск: Навука і тэхніка, 1985–1986. Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск, 1985. 431 с.

2. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец, А.А. Люцидарская и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.

3. *Блохинская А.В.* Речевой портрет потомка русских и украинцев на амурской земле // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2013. Вып. 10. С. 76–81.

4. *Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. Саратов: Амирит, 2015. С. 26–36.

5. *Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку // Региональные варианты национального языка: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2013. С. 12–16.

6. *Волошина С.В., Шевчик А.В.* Фрагмент речевого портрета жителя совре-

- менного российского села // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3 (14). С. 20–32.
7. *Ганичева С.А.* Синтез локального и профессионального в речевом портрете Николая Павловича Шаброва // Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография. Вологда; Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2017. Гл. 4. С. 159–171.
8. *Гарифуллина Д.Б.* Речевой портрет политического лидера (на материале инаугурационных речей президентов России и США) // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1, № 1. С. 106–111.
9. *Гордеева С.В.* Речевой портрет потомка русских переселенцев в Китай (на материале речи Цю Цзиньсю, село Бяньцзын, провинция Хэйлуцзян, КНР) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 82–94.
10. *Демешкина Т.А.* Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
11. *Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е.* Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44. DOI: 10.17223/19986645/67/2
12. *Джигоева В.П.* Речевой портрет политика-билингва в цифровом пространстве // Вестник Донецкого национального ун-та. Серия Д: Филология и психология. 2020. № 1. С. 76–83.
13. *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 180 с.
14. *Жукова И.Н.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. М.: Флинта: Наука, 2017. 632 с.
15. *Иванцова Е.В.* Взаимодействие подсистем современного русского языка в идиолектном отражении: речевой портрет жителя поселка городского типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 104–120.
16. *Иванцова Е.В.* Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
17. *Иванцова Е.В.* Методы анализа диалектной языковой личности // Демешкина Т.А., Тубалова И.В., Волошина С.В., Иванцова Е.В. Новые направления в русской диалектологии: Массовый открытый онлайн-курс. Томск: ТГУ, 2017. URL: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=новые-направления-в-русской-диалектологии> (дата обращения: 16.07.2020).
18. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
19. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
20. *Комлева Е.В.* История и культура белорусов в Сибири в освещении современной российской историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 56–60.
21. *Корнева В.Ю.* Белорусы Шегарского района Томской области в конце XIX – начале XX века // Вестник ОмГАУ. 2016. № 4 (24). С. 233–240.

22. Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак / Акадэмія навук Беларускай ССР; Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа; пад рэд. члена-карэспандэнта Акадэміі навук СССР Р.І. Аванесава, акадэміка Акадэміі навук БССР К.К. Атраховіча (Кандрата Крапівы) і доктара філалагічных навук Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 318 с.

23. *Максимова Ю.В., Бочкарева Т.А.* Штрихи к речевому портрету студента-первокурсника // Актуальные проблемы логопедии: сб. науч. и науч.-метод. ст. Саратов, 2014. С. 90–95.

24. *Мурса И.Н.* О речевых портретах носителей современного просторечия (на материале речи жителей села Камышенка) // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники: сб. науч. статей междунар. конференции. Барнаул, 2018. С. 2008–2010.

25. *Порядина И.К., Стародубец С.Н.* Речевой портрет жителя Добруша Гомельской области Беларуси // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сб. докл. участников Междунар. науч. форума / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова, С.М. Пронченко. Брянск; Гомель, 2019. С. 240–246.

26. Русские говоры Среднего Приобья / Ред. В.В. Палагина. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. Ч. 1. 201 с.

27. *Савельева Л.П.* Истоки сибирского регионального сознания, или о конструировании воображаемой реальности // Байкальская Сибирь. Из чего складывается стабильность: сб. науч. статей. Сер. «Проект “Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ”: исследования и материалы». М., 2005. С. 188–200.

28. *Салимова Д.А., Солунова Я.А.* Сравнительный анализ речевых портретов персонажей романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 7 (25). С. 9.

29. *Соколова О.И., Станиславская С.А.* Речевой портрет журналиста В.М. Пескова как носителя полнофункционального типа речевой культуры // *Litera*. 2020. № 3. С. 41–47.

30. Судьба земли Шегарской: сб. краеведческих очерков к 70-летию Шегарского района. Томск: ОАО «Изд-во Красное знамя», 2006. 316 с.

31. *Ульянова О.С.* Шегарский район // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 914–916.

32. *Усольцева О.В.* Сельская поселенческая сеть Томской области во второй половине 1940-х – 1980-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016. Т. 1. 271 с.

33. *Хотянова О.Б.* Стилистические средства создания речевого портрета Остапа Бендера // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2015. № 2. С. 111–118.

34. *Шляховой Д.А.* Моделирование обобщенного речевого портрета блогера (на материале немецкой военной блогосферы) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 4. С. 879–892.

35. *Ярмаркина Г.М.* Русская устная речь современного сельского жителя как носителя народно-речевой культуры // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 80–99.

REFERENCES

1. Biryła, V. & Shuba, P.P. (eds) (1985) *Belaruskaya gramatyka: u 2 ch.* [Belarusian Grammar. In 2 parts]. Part 1. Minsk: Navuka i tekhnika.
2. Fursova, E.F., Titovets, A.V., Lyutsidarskaya, A.A. et al. (2011) *Belorusy v Sibiri: sokhraneniye i transformatsii etnicheskoy kul'tury* [Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
3. Blokhinskaya, A.V. (2013) Rechevoy portret potomka russkikh i ukrainsev na amurskoy zemle [Speech portrait of a descendant of Russians and Ukrainians on the Amur land]. In: Arkhipova, N.G. & Oglezneva, E.A. (2013) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [The Word: Folklore-Dialectological Almanac]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 76–81.
4. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2015) Izuchenie dialekt'nogo teksta: rasskaz-plastinka [The study of dialectal text: the story recorded]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V.E. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures: To the 80th anniversary of V.E. Goldin]. Saratov: Amirit. pp. 26–36.
5. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2013) [Provincial speech: from dialect to literary language]. *Regional'nye varianty natsional'nogo yazyka* [Regional Variants of the National Language]. Proc. of the Conference. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 12–16. (In Russian).
6. Voloshina, S.V. & Shevchik, A.V. (2018) A fragment of a speech portrait of a modern Russian village's resident. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 3(14). pp. 20–32 (in Russian). DOI: 10.17516/2311-3499-025
7. Ganicheva, S.A. (2017) Sintez lokal'nogo i professional'nogo v rechevom portrete Nikolaya Pavlovicha Shabrova [Synthesis of the local and the professional in the speech portrait of Nikolai Pavlovich Shabrov]. In: Volkova, N. A., Ganicheva, S.A., Zagumennov, A.V., Ilina, E.N. & Melnikova, N.G. (2017) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [People's Speech of the Vologda Territory: A Male Speech Portrait]. Vologda; Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 159–171.
8. Garifullina, D.B. (2019) Rechevoy portret politicheskogo lidera (na materiale inauguratsionnykh rechey prezidentov Rossii i SShA) [Speech portrait of a political leader (based on the inaugural speeches of the presidents of Russia and the United States)]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i obshchestvo*. 1(1). pp. 106–111.
9. Gordeeva, S.V. (2013) Rechevoy portret potomka russkikh pereselentsev v Kitay (na materiale rechi Tsyu Tszin'syu, selo Byan'tsyan, provintsiya Kheylyuntsyan, KNR) [Speech portrait of a descendant of Russian immigrants to China (based on the speech of Qiu Jinxiu, Bianjiang village, Heilongjiang province, China)]. In: Arkhipova, N.G. & Oglezneva, E.A. (2013) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [The Word: Folklore-Dialectological Almanac]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 82–94.

10. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic Identity in the Self-Identification of a Siberian Native. *Rusin*. 3(41). pp. 90–107 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/7

11. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2

12. Dzhioeva, V.P. (2020) Speech portrait of a bilingual politician in digital space. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo un-ta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya – Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology*. 1. pp. 76–83 (in Russian).

13. Emelyanov, N.F. (1981) *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyuyu epokhu* [Russian Settlements in the Middle Ob Region of the Feudal Era]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Zhukova, I.N. et al. (2017) *Slovar' terminov mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Dictionary of Cross-Cultural Communication Terms]. Moscow: Flinta: Nauka.

15. Ivantsova, E.V. (2019) The Interaction of Subsystems of the Modern Russian Language in an Idiolectic Reflection: The Speech Portrait of a Resident of an Urban-Type Village. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. pp. 104–120 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/7

16. Ivantsova, E.V. (2010) *Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguopersonology: Fundamentals of the Theory of Linguistic Personality]. Tomsk: Tomsk State University.

17. Ivantsova, E.V. (2017) Metody analiza dialektnoy yazykovoy lichnosti [Methods of analysis of dialectal linguistic personality]. In: Demeshkina, T.A., Tubalova, I.V., Voloshina, S.V. & Ivantsova, E.V. *Novye napravleniya v russkoy dialektologii: Massovyy otkrytyy onlayn-kurs* [New Directions in Russian Dialectology: Massive Open Online Course]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=novye-napravleniya-v-russkoy-dialektologii> (Accessed: 16th July 2020).

18. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. 7th ed. Moscow: LKI.

19. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1999) *Rech' moskvichey: Kommunikativno-kul'turologicheskiy aspekt* [Speech of Muscovites: Communicative and Cultural Aspect]. Moscow: Russkie slovari.

20. Komleva, E.V. (2014) History and culture of Belorussians in Siberia in contemporary Russian historiography. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 56–60 (in Russian).

21. Korneva, V.Yu. (2016) Belorusy Shegarskogo rayona Tomskoy oblasti v kontse XIX – nachale XX veka [Belarusians of the Shegarsky district of the Tomsk region in the late XIX - early XX century]. *Vestnik OmGAU*. 4(24). pp. 233–240.

22. Avanesov, R.I., Atrakhovich, K.K. & Matskevich, Yu.F. (eds) (1968) *Lingvistichnaya geografiya i grupy belaruskikh gavorak* [Linguistic Geography and Dialects of the Belarusian Group]. Minsk: Navuka i tekhnika.

23. Maksimova, Yu.V. & Bochkareva, T.A. (2014) *Shtrikhi k rechevomu portretu studenta-pervokursnika* [Strokes to the speech portrait of a first-year student]. In: Kryuchkov, V.P. (ed.) *Aktual'nye problemy logopedii* [Current Issues of Speech and Language Therapy]. Saratov: Bukva. pp. 90–95.

24. Mursa, I.N. (2018) *O rechevykh portretakh nositeley sovremennogo prostorechiya (na materiale rechi zhiteley sela Kamyshenka)* [On verbal portraits of modern vernacular (based on the speech of village of Kamyshenka residents)]. In: Rodionov, E.D. (ed.) *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental'nye problemy nauki i tekhniki* [The Lomonosov Readings in Altai: fundamental problems of science and technology]. Barnaul: Altai State University. pp. 2008–2010.

25. Poryadina, I.K. & Starodubets, S.N. (2019) *Rechevoy portret zhityela Dobrusha Gomel'skoy oblasti Belarusi* [Speech portrait of a resident of Dobrusha, Gomel region of Belarus]. In: Starodubets, S.N., Pustovoytov, V.N. & Pronchenko, S.M. (eds) *Idiolekt russkoyazykovoy lichnosti kak otrazhenie lingvokul'turnoy situatsii v slavyanskom pogranch'e* [Idiolect of the Russian language personality as a reflection of the linguocultural situation in the Slavic borderland]. Bryansk: Gomel': [s.n.]. pp. 240–246.

26. Palagina, V.V. (ed.) (1984) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State University

27. Savelieva, L.P. (2005) *Istoki sibirskogo regional'nogo soznaniya, ili o konstruirovanii voobrazhaemoy real'nosti* [The origins of the Siberian regional consciousness, or the construction of an imaginary reality]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Baykal'skaya Sibir'. Iz chego skladyvaetsya stabil'nost'* [Baikal Siberia. What makes stability]. Moscow: Natalis. pp. 188–200.

28. Salimova, D.A. & Solunova, Ya.A. (2019) *Sravnitel'nyy analiz rechevykh portretov personazhey romana G. Yakhinoy "Zuleykha otkryvaet glaza"* [A comparative analysis of speech portraits of the characters in the novel by G. Yakhina "Zuleikha opens her eyes"]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7(25). pp. 9.

29. Sokolova, O.I. & Stanislavskaya, S.A. (2020) *Rechevoy portret zhurnalista V.M. Peskova kak nosityela polnofunksional'nogo tipa rechevoy kul'tury* [A verbal portrait of journalist V.M. Peskov as a carrier of a fully functional type of verbal culture]. *Litera*. 3. pp. 41–47.

30. Vdovina, L.T. & Kosov, V.N. (2006) *Sud'ba zemli Shegarskoy* [The Fate of the Shegarska Land]. Tomsk: Krasnoe znamya.

31. Ulyanova, O.S. (2009) *Shegarskiy rayon* [Shegarsky District]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 914–916.

32. Usoltseva, O.V. (2016) *Sel'skaya poselenceskaya set' Tomskoy oblasti vo vtoroy polovine 1940-kh – 1980-e gg.* [Rural settlement network of Tomsk region in the second half of the 1940s – 1980s]. Vol. 1. History Cand. Diss. Tomsk.

33. Khotyanova, O.B. (2015) *Stylistic instruments of creating a speech portrait of Ostap Bender*. *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova*. 2. pp. 111–118 (in Russian).

34. Shlyakhovoy, D.A. (2019) *Modeling of a Generalized Speech Portrait of a Blogger (as Exemplified in the German Military Blogosphere)*. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies*,

Semiotics and Semantics. 10(4). pp. 879–892 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892

35. Yarmarkina, G.M. (2019) Russkaya ustnaya rech' sovremennogo sel'skogo zhitelya kak nositelya narodno-rechevoy kul'tury [Russian oral speech of a modern villager – a carrier of folk verbal culture]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN – Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 3. pp. 80–99.

Волошина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Россия).

Svetlana V. Voloshina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Демешкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета (Россия).

Tatyana A. Demeshkina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: demeta@rambler.ru

Толстова Мария Анатольевна – младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета (Россия).

Maria A. Tolstova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tolstova_11@mail.ru